

Нина Бродская: «Хочу петь в России!»

Прошло немало лет с тех пор, как известная российская певица Нина Бродская поменяла московскую квартиру на нью-йоркскую. Я хорошо помню, как в одночасье из всех киосков и магазинов исчезли пластинки и открытки певицы. Что касается радио и телевидения, то там голос Нины Бродской был под загадочным запретом уже не первый год, а просто упоминание в эфире ее имени сопровождалось выговорами и лишением отпусков в летнее время...

Недавно мы встретились с Ниной в Москве.

— Честно говоря, прошло столько лет, что я просто не знаю, как мне начать с тобой говорить?

— Спроси сразу: как я очутилась в Москве?

— Считаю, что уже спросил...

— Меня пригласили в качестве американского члена жюри на международный фестиваль «Славянский базар» в Витебске.

— Какие ощущения оставил фестиваль? Все же тебе теперь есть с чем сравнить...

— Поразил по-настоящему международный размах.

— А теперь ты решила немного «искупаться» в столичной жизни?

— Это очень интересная жизнь. К тому же звонят из разных редакций, радио, телевидения, какие-то непрерывные интервью, переговоры... Я не ожидала, что меня здесь, на Родине, так помнят.

— А где ты остановилась?

— У знаменитой певицы Капитолины Лазаренко. Она, бедная, просто из дома убегает от этих непрерывных звонков.

— И когда закончатся ее мучения, а твои радости?

— Вот я приму участие в песенной телепередаче, и сразу — на самолет в Штаты...

— К слову, о самолете... Я ведь так толком и не знаю — какие мотивы для отъезда были у тебя пятнадцать лет назад?

— Тайны здесь никакой нет. Помнишь, когда председателем Гостелерадио стал Лапин? Тогда же наступила «сталинская» реакция, как называли творческие люди стиль работы нового телечинновника. Уничтожались пленки популярных композиторов, составлялись списки неугодных для телерадиоэфира артистов. В один из них попала и я. Мне всюду перекрыли «кислород». Даже москонтцертские гастролы, чтобы не умерла с го-

луду, мне планировали в самую глубинку, где ни рояля, ни микрофона, а порой и самого клуба не было...

— Что же послужило последней каплей?

— Меня пригласили немцы в Росток на Международный фестиваль стран Балтии. Напечатали мой портрет на обложках журналов, выпустили пластинку, буклеты. Я приехала, и буквально на следующий день телеграмма из Минкультуры: «Срочно возвращайтесь!».

Вернулась, обошла все кабинеты с вопросом: «Кто послал телеграмму?». Все пожимают плечами. Форменное издевательство!..

— А как отнесся ваш муж к идее съехать за «бугор»?

— Долго колебался, но в конце концов понял, что у меня другого выхода нет.

— Отпустили сразу?

— Без малейшей проволочки и, по-моему, с чувством большого облегчения. В ноябре 1979 года мы поселились в Нью-Йорке.

— И как сложилась новая жизнь?

— Поначалу трудно. Помогали друзья. Особенно певец Эмиль Горовец. Он всегда давал мне для работы свою аппаратуру, брал на все концерты для эмигрантов, учил, как и что тут нужно делать на сцене. А это по сравнению с Москвой — «две большие разницы».

— Ты была ведь без языка. А теперь?

— Теперь тоже. «Как пройти?». «Сколько стоит?». «Помогите мне!» — это знает в России любой школьник. Этим владею и я...

— А что касается работы?

— Ездилась с гастроями по стране, пела эмигрантам. Потом выучила песни из репертуара Эллы Фитцджеральд, стала петь и американцам. Вышла пластинка «Сумасшедшая любовь»...

— Все это как-то кормило твою семью? У тебя же еще и сын...

— Семью кормил и кормит мой муж Владимир. Он служит в одной компании, и нам хватает на жизнь и на квартиру.

— А в России чем он занимался?

— Был одним из лучших в стране тромбонистов. В Америке это всегда временная работа и дохода не дает. Тромбон теперь только по выходным, для души...

— Как считаешь, сильно изменилась Россия, Москва за годы твоей разлуки с Родиной?

— По моим впечатлениям, да. Хотя порой кажется, что все это чужое, не русское. Мне нравится, что прилавки полны, можно купить все, что угодно. Другое дело, где взять деньги?

— В свое время ты начинала в оркестре у Эдди Рознера?

— Да, очень маленькой девочкой. Поэтому сейчас кто-то из ваших читателей может сморщить носик: «Фи! Эта Бродская уже такой нафталин!» А мне сейчас все го...

— Это пусть читатели гадают сами, глядя на твоё фото... А сын Максим? Он теперь уже, поди, настоящий американец?

— Он очень талантливый музыкант, свободно говорит по-английски. Ему уже 23 года.

— Встречаетесь ли с Шуфутинским?

— Дружим. Он сам признается, что наша семья первой протянула ему руку, когда он эмигрировал в Америку.

— Но выступать Михаил любит в России.

— Как только у меня появится здесь менеджер, я тоже полюблю. И он, кажется уже нашелся.

— Значит, до скорой встречи?

— До боли надеюсь на это!
Встретился с певицей Владимир АЛЬБИНИН.